

Ю.В.Аксютин,
доктор исторических наук
В.В.Журавлев,
доктор исторических наук,
Московский государственный
областной университет

От Сталина к Брежневу. Авторитарно-бюрократическая система: генезис, эволюция, механизмы функционирования

Тема настоящего симпозиума "Формальные институты и реальные практики", поставленная в качестве стержневой, имеет актуальное значение для решения проблем, стоящих сегодня перед нашим обществом. Но, как говорил У.Черчилль, чтобы знать куда и как идти, надо ясно представлять себе, откуда ты идешь. И в нашем случае важно понять обстоятельства становления, анатомию, эволюцию механизмов функционирования и краха той системы власти, которая была характерна для одной шестой части Земли на протяжении двух третей XX в. Ведь несущие конструкции ее не рухнули вместе с советским строем. Мало того, обретя новое качество, они дают знать о себе по сей день.

Имя этой модели властвования и образа социальной жизнедеятельности общества в целом — **авторитарно-бюрократическая система**. Все, что на протяжении десятилетий советской истории определяло расхождения реальных экономических, социальных, политических практик с действующими (а чаще только декларируемыми) формально-правовыми институтами, являлось ни чем иным, как способом существования данной системы власти и общества, проявлением ее формообразующих признаков. Доказательством тому может служить огромный эмпирический материал, собранный отечественными историками советского общества, корпус источников, позволяющий осмысливать этот период под указанным углом зрения.

Отсюда вытекает задача оценить историческую судьбу этой системы с позиций *внутренней логики* ее становления, эволюции и перехода в иное состояние. Подобная оценка позволит подойти к выявлению исторических корней "номенклатурной революции" 90-х годов XX в. в России.

На закате "перестройки" (конец 80-х годов — 1991 г.) в ходу у всех на устах была вброшенная Гавриилом Поповым дефиниция, способная, как тогда многим казалось, раскрыть суть советского строя, — "административно-командная система". Ее на все лады — к месту и не к месту, но обязательно со ссылкой на Попова как на

демиурга этого понятия, — воспроизводили экономисты, политики, социологи, историки, даже философы. Между тем дефиниция эта, во-первых, введена в оборот еще Л.Д.Троцким для характеристики "деформаций", как тогда представлялось, в процессе становления советского общества 20-х годов, начинавших принимать системный и системообразующий характер. Во-вторых, данное понятие, по нашему (авторов) убеждению, не способно ухватить и охарактеризовать суть и формообразующие черты строя, существовавшего в СССР. Ибо любая общественная система прошлого и настоящего может быть охарактеризована — с теми или иными поправками и уточнениями — как административно-командная, если подходить к ней с позиций цементирующего ее *государственного* начала. С уровня этого критерия всякая социальная общность, организуемая государством, испытывает на себе действие таких его неперменных функций, как администрирование и принуждение (командование), понуждающих граждан к организации своей жизнедеятельности в русле устанавливаемых им (государством) норм и институтов.

Для характеристики советской общественной системы в координатах присущих ей общего и специфического, на наш взгляд, лучше подходит другое понятие — "авторитарно-бюрократическая система". Под авторитарностью важно понимать не только форму власти ("авторитаризм"), но и стиль жизни, пронизывающий отношения в таком обществе на всех его уровнях, стиль мышления, стиль поведения как тех, кого можно считать субъектами авторитарного диктата, так и тех, кто служит массовым объектом диктата. Особенность пирамиды такого общества состоит в том, что практически *каждый* в нем является и субъектом и объектом авторитарного диктата, ибо диктат с самого верха спускается вниз, стремясь достичь уровня "первичной ячейки" общества, насаждая или поощряя определенные принципы во взаимоотношениях даже внутри семьи — мужа и жены, родителей и детей. Другое дело, что тут он не всегда срабатывал, но тем не менее такая тоталитарная тенденция имела место. "Рассеянный авторитаризм", пропагандируемый и внедряемый во все сферы и на всех уровнях общественных отношений, предполагает непременно наличие вождя, возвышающегося на вершине этой пирамиды. К нему сходится, на нем замыкается все, что происходит и должно происходить внутри данной системы.

Чтобы такая система функционировала, она должна иметь сильную и разветвленную властную вертикаль в виде пронизывающей все общество чиновничье-бюрократической иерархии полупфеодалного типа. Ее особенность состоит в том, что она изначально ориентирована на служение не обществу, а вождю — "сюзерену" и символу системы, имеющему ничем не ограничиваемые на практике права использовать всю имеющуюся в стране армию чиновников в качестве своих "вассалов". Но он не только неограниченный

повелитель. Вождь — обязательный атрибут того, что призвано создать иллюзию всеобщего равенства, равенства не перед законом, а перед вождем, вольным казнить и миловать любого.

Становление авторитарно-бюрократической системы происходило в первые после революции десять лет путем перерождения революционной диктатуры, образовавшейся в результате прихода к власти большевиков. В.И. Ленин был прежде всего вождем восставших низов. Но оказалось, что мало захватить власть и удержать ее, мало приступить к разрушению старых порядков. Надо уметь еще пользоваться властью для создания новых порядков, не говоря уже просто о поддержании жизни людей, устремившихся к светлому будущему, но лишенных (в результате войны и разрухи) элементарнейших условий человеческого существования. Большевицкая партийная верхушка буквально на следующий день после того, как встала у кормила власти в России, почувствовала, что в массе своей не способна профессионально управлять текущей жизнью страны. Людей, обладавших добротными организационными талантами, среди революционных агитаторов оказалось не так уж много. В.И. Ленину пришлось немало постараться, чтобы, например, снова привлечь на свою сторону Л.Б. Красина, в прошлом возглавлявшего боевую организацию большевиков, а потом занявшегося бизнесом и ставшего представителем германского электротехнического концерна "Сименс" в России.

Без соответствующего аппарата управления руководить государством и обществом оказалось невозможным. А аппарат этот, доставшийся большевикам от прежней власти, не хотел служить им. Чтобы овладеть им, чтобы преодолеть его сопротивление, саботаж, пришлось затратить много сил, в том числе прибегнуть к репрессиям. Поначалу В.И. Ленин полагал, что "страха ради" и за неимением другой перспективы чиновники в конце концов вынуждены будут прекратить саботаж и пойти на службу советской власти даже если она не собирается платить им больше, чем рабочим. Но уже через несколько месяцев, в апреле 1918 г., В.И. Ленин пришел к выводу, что распространять социалистические принципы распределения на "буржуазных специалистов" пока еще рано, ибо приходится платить им дань за свою культурную и профессиональную отсталость. Предполагалось, что эти специалисты (чиновники, офицеры, хозяйственники и даже владельцы фабрик и заводов) будут лишь инструментом в руках политического руководства, послушным исполнителем его воли.

Процесс нового государственного строительства шел в сложных, чрезвычайных условиях гражданской войны, когда приходилось больше налегать на принуждение, чем на поощрение. Это заставляло большевиков постоянно идти на нарушение установленных ими же порядков. Привычка командовать у большевиков вошла в кровь. В процессе становления аппарата советской власти сформировался новый тип чиновника — советского бюрократа, хваткого и циничного прагматика. Используя знания "буржуазного специалиста", но не

пуская его "во власть", оттесняя на задний план, он не без успеха пытался присвоить себе и его прежние исключительные льготы и привилегии. Вскоре весь механизм государственного аппарата страны, вернее, его ведущие узлы, оказались в руках таких людей.

Сам В.И. Ленин, пока силы и здоровье позволяли это ему, пытался бороться с такого рода возрастающими негативными явлениями и трудностями. Приводил в чувство чрезмерно амбициозных соратников, распутывал интриги, мирил обижающих и обиженных руководителей различных ведомств и регионов, умело направляя всю их неумемную энергию в определенное русло. Но чем меньше оставалось у него сил и здоровья, тем больше проявлял он озабоченность необходимостью как можно крепче держать в узде аппарат, постоянно и строго контролировать его действия. И какое-то время ему казалось, что с этой задачей неплохо справится И.В. Сталин, которого он и рекомендовал на специально для того учрежденный пост генерального секретаря ЦК РКП(б).

Пост генерального секретаря в руках И.В. Сталина оказался ключевым для такой расстановки и мобилизации сначала партийной, а затем и советской бюрократии, которая позволила ему укрепить личные позиции в высшем руководстве, устранить действительных и возможных соперников. Опираясь на эту бюрократию, он сумел выхолостить и без того не очень сильный режим внутрипартийной демократии, превратить его в своего рода судилище для "левых" и "правых" уклонистов, в мясорубку для тех представителей касты "профессиональных революционеров", кто по каким-то причинам становился ему неуютен. А репрессии против беспартийной интеллигенции "выбивали" одновременно и кадры "спецов".

Без репрессий режим вообще не видел возможности держать в покорности народ. Тем более, что в этом народе, во всех его слоях не затухали антисоветские настроения. Проявлялись они не только в брюзжании по поводу бюрократической волокиты и чиновничьего произвола. Нэпманы и те, кого власть считала кулаками, были не довольны налоговым гнетом и лишением избирательных прав, крестьяне — тем, что работают больше, а живут хуже рабочих, последние — безработицей, низкой зарплатой и плохими жилищными условиями. Немало было среди них и таких, кто винил во всех своих бедах большевистский режим. Но так как сам режим выглядел устойчивым и прочным, то надежды покончить с ним связывались с перспективой вооруженного вмешательства иностранных держав, т.е. с новой войной. О довольно широком распространении подобных интервенционистских настроений ОГПУ постоянно информировало руководителей партии и правительства. И эти настроения усиливались каждый раз, когда обострялась международная обстановка¹.

¹ См.: "Совершенно секретно": Лубянка — Сталину о положении в стране (1922-1934). М., 2001. Т. 1-4.

К концу 20-х годов И.В.Сталину и большинству его соратников, взнудавших страну и народ для индустриального скачка, стало казаться, что крестьяне вот-вот предъявят советской власти к оплате тот самый вексель, о коем в свое время предупреждал В.И.Ленин. Чтобы избежать такой опасности, Н.И.Бухарин считал необходимым пойти на уступки и, соответственно, изменение экономических приоритетов и замедление темпов индустриализации. Но возобладало другое мнение: индустриализацию ускорить, а деревню коллективизировать, т.е. раскрестьянить.

В результате в конце 20-х — начале 30-х годов в СССР оформляется та самая административно-бюрократическая система, о которой мы уже говорили. Формально она впитала в себя все институты революционной диктатуры, наполнив их качественно новым содержанием. Потребности и интересы существования, функционирования, а также самовоспроизводства этой системы и определяли, какие именно экономические и социально-политические практики лучше этому соответствуют. Стержнем системы стала властная ось: вождь — партийно-советская номенклатура. Действовала она отнюдь не по уставу ВКП(б) и Конституции СССР, а по законам, описываемым моделью "сюзерен—вассалы". Взаимоотношения между двумя составляющими властной оси задавали направление, в коем система эволюционировала, и в конечном счете определили ее судьбу.

Вскоре авторитарно-бюрократическая система упрочилась и обрела внутреннюю целостность. Наступил этап ее зрелости. Равновесие двух составляющих ее властной оси способствовало этому. Во второй половине 30-х годов она обогатилась существенными чертами тоталитарного порядка. Но пронизать ими все этажи социальной структуры общества, охватить всю совокупность социальных коммуникаций в нем И.В.Сталину не удалось.

Как и вся страна, аппарат работал на износ, да еще под постоянным страхом оказаться неугодным и быть репрессированным. В какой-то мере это возмещалось материальным и прочим поощрением. А И.В.Сталин умел быть щедрым. Ответственным работникам выдавалась вторая, негласная зарплата в "конвертах". Лечение проходило в специальных поликлиниках, больницах и санаториях. Наиболее отличившиеся награждались орденами. Такая щедрость воспитывала чиновничество в верности вождю и системе не хуже, чем страх перед ОГПУ—НКВД—МВД. Но она и разлагала коммунистических функционеров, превращая их из аскетичных и фанатичных революционеров в сытых и самодовольных мещан, порой не чуждых тому, чтобы пополнить свои доходы из источников, считавшихся табуированными. Вместе с тем разрыв между зовущим к светлому будущему словом и действительным положением народа становился все более наглядным. Конституция СССР 1936 г. — тому яркий пример. Эксплуататорские классы ликвидированы, и потому лишать кого-либо по социальным признакам избирательного права вроде бы нет смысла. А это зна-

чит, что выборы в Советы отныне будут всеобщими, равными и прямыми, а голосование — тайным. На деле же избиратель права выбора так и не получил. Фактически выборы в Верховный Совет СССР, первые из которых были проведены 12 декабря 1937 г., были больше похожи на вотум доверия. В соответствии с официальным сообщением Центральной избирательной комиссии, в них участвовали 91 113 153 человек, или 96,8% избирателей. Из них за кандидатов в депутаты Совета Союза (одной из двух палат Верховного Совета) проголосовали 89 844 271 человек, или 98,6% от общего числа, принявших участие в выборах. Против было подано 632 074 голоса. Недействительными оказались 636 808 бюллетеней¹. Эти поразительные результаты были достигнуты усилиями не только агитационно-пропагандистского, но и репрессивного аппарата. Страх гнал многих на избирательные участки, чтобы продемонстрировать власти свою лояльность. "Формально при Сталине у нас все пошло за Сталиным, — признавал позже В.М.Молотов. — А окажись возможным проявить свою натуру, большинство оказалось бы против"².

Такая возможность "проявить свою натуру" для противников советской власти представилась, когда гитлеровская Германия напала на СССР. Как и в любой другой войне, во Второй мировой сражающиеся армии несли потери за счет не только убитых и раненых, но и пленных. Но ни в одной из них не было такого числа перебежчиков, как в Красной Армии. Причем в их числе были видные военные и даже партийные деятели. В других странах недовольные устраивали заговоры — удачные (против Б.Муссолини) или неудачные (против А.Гитлера), а у нас предпочитали переходить на сторону противника (командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А.Власов, начальник военного училища генерал-майор И.А.Благовещенский, бывший первый секретарь Ростовского райкома столицы, член военного совета 32-й армии, в которую входили семь дивизий московского народного ополчения, бригадный комиссар Г.И.Жиленков и др.). Свое предательство они задним числом оправдывали недовольством системой.

Великая Отечественная война явилась величайшим испытанием всех мобилизационных ресурсов системы. Ведь СССР пришлось сражаться с противником, уступавшим только по численности населения, но превосходившим по экономическим и другим параметрам. К тому же много сил и средств отнимала забота о морально-политическом единстве общества, оказавшегося не таким уж и единым, как представляла это довоенная пропаганда. В разгар битвы за Кавказ три

¹ См : Правда. 1937.17 дек. С. 1. В закрытых ранее правительственных сборниках приводятся несколько иные цифры: против проголосовали 1 268 882 человека, или 1,39%, причем по РСФСР, а доля недействительных бюллетеней составила 1,60% (935 580 голосов). (Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик 1937-1938 гг. (Цифровой сборник). М., 1939. С. 5.)

² Цит. по: *Чуев Ф.* 140 бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. С. 360.

полноценные дивизии, в том числе Московская особая НКВД, были полностью заняты борьбой с повстанцами в Чечено-Ингушетии¹.

В то же время Великая Отечественная война, как это не парадоксально на первый взгляд, в конечном счете способствовала не укреплению и усилению тоталитарных тенденций и процессов в стране, а напротив, их ослаблению. Ибо в общем потоке усилий по достижению победы к жизни были вызваны факторы социальной ответственности и самодеятельности широких масс. Тем самым были созданы предпосылки для эволюции системы в сторону либерализации, для избавления от наиболее жестких и жестоких проявлений, присущих ее социальным практикам. Сразу после войны этим предпосылкам проявиться не удалось, но они продолжали существовать.

Н.С.Хрущев, восходя на вершину властной пирамиды в острой борьбе с другими сталинскими наследниками, внешне, казалось бы, повторил ряд этапов того пути, который прошел его предшественник. В схватке со своими соперниками он так же искал и нашел поддержку в лице региональной и национальной партийно-советской номенклатуры. Использовал он в качестве своеобразного "молота ведьм" (правда, по-своему) и механизм внутривластных дискуссий. По чисто сталинским лекалам выкроено было им "дело последней в истории КПСС "антипартийной группы". Однако в пылу борьбы за трон вождя системы он, сам не ведая того, нарушил табу, перейдя грань допустимого в перекраивании идейно-политических составных частей системы. Как уже приходилось говорить одному из нас на предыдущем, восьмом, симпозиуме², разоблачив на XX съезде КПСС "культ личности" Сталина, Хрущев тем самым резко нарушил баланс влияния в отношениях между "сюзереном" и "вассалами". Использование репрессивно-деспотических методов в процессе реализации вождем функции гаранта системы было осуждено и таким образом признано не легитимным. Особенно при этом подчеркивалось, что речь идет не о репрессиях вообще, а о тех, которые были направлены против "профессиональных революционеров", ставших аппаратчиками. В результате Сталин, а в его лице — вождь системы как таковой, был лишен ореола политической непогрешимости, а аппарат как бы получил гарантию от рецидивов подобных "казней египетских" в будущем. Между тем покорность "вассалов" "вождю" во многом держалась именно на страхе перед его карающей десницей. Теперь этого страха уже не стало.

Разоблачение культа личности не только способствовало десакрализации фигуры вождя, но привело к эрозии официальной идеологии. А принятие в 1961 г. третьей программы КПСС, обеща-

¹ См.: работы историка Т.Т.Худалова, в том числе статьи в газете: Кавказский край, 1991. № 23; и др.

² См.: Журавлев В.В. Н.С.Хрущев: Самоидентификация лидера как политического актора // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 69-77.

шей построение коммунизма уже через 20 лет, чему мало кто поверил, наглядно продемонстрировало утопичность самой идеи, во имя и ради которой и было создано само советское государство.

Радикальные перемены в таких условиях, казалось, напрашивались сами собой. Возникшие коллизии можно было если не нивелировать, то хотя бы уменьшить только одним способом: резко ограничив бюрократическое всевластие партийно-государственной верхушки, в первую очередь региональных и национальных элит. Для этого надо было либерализовать режим, а обществу и его институтам предоставить большую самостоятельность и функции реального контроля за властными структурами. Но ни партия, ни страна оказались не готовыми и не способными реализовать такую возможность. Н.С.Хрущев и его коллеги не мыслили себя и своих отношений с обществом вне той системы, в рамках которой они сформировались и выдвинулись, причем именно в те годы, когда эта система проявляла невиданную эффективность. Свои задачи они ограничивали тем, чтобы заменить не оправдавшие себя и дискредитированные установления или дающие сбой отдельные узлы, починить и подмазать сложившийся механизм. Но поскольку система, созданная при определенных обстоятельствах и требующая определенного типа руководителя (вождя), в изменившихся условиях не могла уже функционировать по-прежнему, то попытки модернизировать ее, избавившись от тоталитарных черт, несли с неизбежностью и тенденции к саморазрушению. Это, конечно, пугало тех, кто был наверху, кто "стоял у руля", кто не мог освободиться от устаревших идеологических догм. Поэтому они то и дело нажимали на тормоза, делали попятные шаги. В итоге постепенное оттеснение "сюзерена" его "вассалами", неумышленно инициированное первым секретарем ЦК КПСС, сугубо отрицательно сказалось на его собственной политической судьбе. Подобно Грибоедовскому Молчалину, он "шел в комнату — попал в другую".

Брежневский период в потоке эволюции авторитарно-бюрократической системы стал временем консолидации "вассалов" при покровительстве этого "сюзерена", власть которого приобретает все более формальный, ритуальный характер. Курс на стабильность социально-экономического развития, по сути, проявился больше всего в заботе о несменяемости кадров партийно-государственной номенклатуры и в конце концов привел к тому, что система оказалась в преддверии своего распада.

Деформация экономической базы "развитого социализма" повлекла за собой и деформацию его социальной структуры. Продолжилось личное накопление. Но шло оно далеко не равномерно. Одни пределом своих мечтаний считали приобретение импортной мебели и нескольких ковров для новой квартиры. Другие делали все возможное и невозможное, чтобы купить машину, третьи ухитрились строить загородную дачу со всеми городскими удобствами.

Росли аппетиты и у номенклатуры. На первый план в жизни чиновника выходили такие привилегии, как быстрое получение добротного жилья, государственной дачи, персонального автомобиля с шофером. Средства на содержание специальных поликлиник, больниц и санаториев составляли половину бюджета Министерства здравоохранения. А закрытые распределители, в коих очень дешево можно было приобрести высококачественные продукты, сами их пользователи цинично называли "корытом". Не утоляли эти аппетиты, а наоборот, разжигали регулярные поездки на "гнилой Запад".

В недрах системы все чаще попадались люди, деятельность которых носила явно антисистемный характер. Все больше и больше было таких, кто находил применение своим способностям, занимаясь незаконным в советском понимании бизнесом, находясь в "тени". В 1969 г. студент исторического факультета Ростовского университета Владимир Мельников был осужден за "валюту" на пять лет с отбыванием наказания в колонии общего режима. В конце 70-х годов он опять получил срок на два года по той же статье. В годы же перестройки основал швейный кооператив и снова сел на три года за вывоз незадекларированных долларов. Ныне ему принадлежит корпорация "Глория джинс" — крупнейший российский производитель детской одежды. В 70-е годы трижды привлекался к уголовной ответственности Александр Смоленский — олигарх из развалившегося во время дефолта банка "Столичный", значившийся в свое время в милицейских протоколах как баба Шура. Последняя его ходка была в 1981 г., когда его осудили за хищение и противозаконную коммерческую деятельность на 12 лет, из которых он не отсидел и половины. В конце 70-х годов Театр драмы на Таганке столкнулся с проблемой: спекулянты стали перехватывать все билеты. Обратились за помощью в милицию. А начальником тамошнего отделения милиции был В.Б.Рушайло. Вот и пришлось ему гонять спекулянтов, во главе которых стоял студент ГИТИСа Владимир Гусинский¹. Не брезговал последний и частным извозом на своей машине, а также мелкими сделками с антиквариатом². 5 ноября 1980 г. Народный суд Свердловского района Москвы приговорил будущего банкира Юрия Гущина, в уголовном мире получившего прозвище Картавый, к девяти годам лишения свободы за "мошенничество, причинившее особый ущерб потерпевшему". За разбой отсидел в 80-е годы девять лет Гавриил Юшваев по кличке Гарик-Махачкала, владеющий сегодня 26% акций компании "Вимм-Билль-Данн", которой среди прочего, принадлежит Лианозовский молочный комбинат³.

¹ См. *Логинов В.* Диагноз: Нардобоязнь. Выступление в дискуссионном клубе "Свободное слово" // Век. 2001. 30 нояб. С. 4.

² См.: *Головков А., Нехорошев Г.* Гусь. Судьба и карьера медиамагната // Независимая газета. 2000. 16 июня. С. 8.

³ *Мороз П.* Бизнес с тюремным стажем // Газета. 2002. 7 февр. С. 1,3.

"Теневики", а также значительная часть торговых работников и чиновников, в отличие от преуспевающих литераторов, художников и артистов, не могли себе позволить открыто жить на широкую ногу, и потому вынуждены были скрывать свои высокие доходы. Вот на них-то и стали "наезжать" представители уголовного мира вроде Иванькова по кличке Япончик. Так появился рэкет, т.е. сопровождаемое угрозой физической расправы вымогательство, основанное на уверенности, что жертва не посмеет обратиться за помощью к правоохранительным органам.

Казалось бы, крупному бюрократу все равно, какой формой собственности он управляет, лишь бы обеспечен был ему необходимый доход. Но одно дело — доход владельца, а другое — управляющего, он и ниже, и его нельзя оставить в наследство. Правда, нередкими стали исключения: министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич по символической цене выкупил дачу-замок, а маршал С.М.Буденный добился права передать огромную дачу-усадьбу в полное распоряжение дочери. Так потребность в настоящей собственности распространилась с предметов потребления на недвижимость. Правда, пока что дачную. А чем хуже магазин или оптовая база, а тем более фабрика или завод? И хотя директор и так чувствовал себя хозяином, но все же временным и неполновластным. Во всяком случае у него было гораздо больше ограничителей, чем у менеджера, нанимаемого акционерами.

Ранее от "рефлекса приватизации" советских хозяйственников, а с ними министров и партийных секретарей, удерживали страх за жизнь и социалистическая идеология, отрицавшая частную собственность. Во времена Л.И.Брежнева об этом стали забывать: в коммунизм мало кто из номенклатуры верил, не было больше и страха нарушить догму. Другими словами, номенклатура все более и более перерождалась. На горизонте, как и в конце 20-х годов, снова обозначился термидор. Но на сей раз процесс зашел слишком далеко, чтобы его можно было остановить. И в авангарде этого процесса был аппарат.

"Перестройка", предпринятая М.С.Горбачевым в целях модернизации авторитарно-бюрократической системы, ознаменовалась прямым и открытым выступлением значительной части населения (интеллигенции прежде всего) за либерализацию и демократизацию. За это же ратовали и частные предприниматели, только появившиеся или начавшие выходить из тени. К растущему протестному движению присоединились и даже сумели возглавить его многие из "вассалов", уже не нуждавшиеся в системе, увидевшие более привлекательные для себя перспективы за ее рамками.

"Номенклатурная революция" 1991 г. знаменовала собой крах авторитарно-бюрократической системы и распад СССР, каркасом которого она была. При всех личных амбициях и претензиях Б.Н.Ельцина на статус "сюзерена" новой России его действительная роль получилась иной — служить всего лишь молотом в руках

антисистемных (а в итоге и антигосударственных) сил бывшей партийно-советской номенклатуры. Точнее, той ее части, что сумела проявить наибольшую дальновидность, циничность, хватку и энергию, вовремя переметнуться из одного политического лагеря в другой и занять в нем ведущие позиции. Б.Н.Ельцин понадобился этой когорте вчерашней советской бюрократии исключительно для одной цели: направить его псевдодемократическую харизму, а также действительно демократические массовые настроения и обновленческие веяния на то, чтобы наконец-то завершить процесс перерождения управленцев в собственников и из функционально-социальной группы превратиться в некое подобие восставшего из феодального прошлого сословия¹.

Итак, разрыв между формальными институтами и реальными социальными практиками породил авторитарно-бюрократическую систему в нашей стране, стал источником и содержанием ее эволюции и, перешагнув допустимые для ее самосохранения границы, привел ее к краху, оставив нам наследство в виде криминально-олигархического ельцинского режима, преодоление которого грозит занять целую историческую эпоху жизни России уже в XXI в. и третьем тысячелетии от Рождества Христова.